

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

ПАМЯТЬ КАК УДАЧНАЯ ИНВЕСТИЦИЯ СОЦИУМ И КУЛЬТ В ИТАЛИИ ПЕРИОДА ТРЕЧЕНТО И КВАТРОЧЕНТО

В статье сделана попытка сопоставить различные пласты и практики коммемораций (на уровне индивидуально-семейного, группового и самого широкого коллективного почитания). На уровне индивидуального и бытового поминовения и в грандиозной коммеморативной программе христианских юбилеев можно отметить общие черты, особые приметы чаяний людей эпохи Треченто и Кватроченто. Культ памяти соединялся с культом искупления, с поисками индивидуального и коллективного спасения. Римский Юбилей стал наиболее выгодным вложением в истории идей – с 1300 года юбилейная традиция не прерывается, следующий год (вопреки всякой логике дат) объявлен новым папой юбилейным.

Ключевые слова: Рим, средневековье, Возрождение, рецепция античности, историческая память, коммеморации, надгробные памятники, Бонифаций VIII, юбилейный год.

Основной темой данной работы является изучение истории коммеморативных практик, ранних проектов и механизмов формирования т.н. исторической памяти¹. Эта тема является ярким примером взаимосвязи мирского и сакрального. Совершение социально значимых актов, имеющих твердую материальную, т.е. имущественную основу, но при этом и еще более значимые символические основания – особенность дискурса средневековья. Средневековые миряне, как и клирики, члены новых братств и орденов искали способы позаботиться о загробной участи.

Одним из путей спасения, стяжания небесных благ и одновременно приобретения доброй памяти среди живущих, были пожертвования имущества и денежных средств на «помин» души, на поддержку культа тех или иных святых покровителей и украшение храмов. Это общее и традиционное стремление в определенные периоды приобретало специфические черты и становилось инновацией, приобретая ряд дополнительных смыслов и проекций в социальной и даже политической сфере.

Период Треченто с его политическими кризисами и эпидемиями, был полон эсхатологических ожиданий. На рубеже веков, в начале XIV в. в церковной истории происходит первый Римский юбилей, отречение одного папы и война другого с собственными кардиналами, а затем и Авиньонское пленение пап.

¹ Работа выполнена в рамках научной программы сетевой Лаборатории «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры» ИВИ РАН.

Италия вступила в полосу кризисов на рубеже XII–XIII вв. и как будто разучилась жить вне кризиса². Период Треченто начинался с эсхатологических ожиданий, социум развивался, проходя сквозь ряд стихийных бедствий и болезней, при высокой смертности. В историографии истории города и общин Италии Треченто и Кватроченто традиционно фигурируют как время кризисов и перемен, религиозных исканий, революционного переустройства городского самоуправления и перестройки сеньориальной системы³. Формируются и новые религиозные чаяния, проявления благочестия, возникают новые религиозные объединения; некоторые из них признавались неканоническими и вредными, другие же включались в общее развитие латинской церкви, в жизнь христианского мира всего запада Европы, и, конкретно, Италии.

В данной статье я попытаюсь сопоставить различные пласты и практики коммемораций (на уровне индивидуально-семейного, группового и самого широкого коллективного почитания). Поскольку я соглашаюсь с теми выводами современных историков, которые постулируют, что «поведение и действия людей не обусловлены непосредственно действительностью, они обусловлены ее образами, которые составили себе люди и которые управляют их действиями»⁴, то и в этом случае, в первую очередь, следует изучать именно представления и образы, укоренившиеся в сознании людей на излете средневековья. Эти образы, по всей видимости, руководили все усложнявшейся и шире распространявшейся практикой благочестивых дарений, которые свершались в итальянских землях, прежде всего, в городских центрах. У этого обмена материальных благ на символический капитал, разумеется, были не только побудительные причины, но и мобилизующие формы и образы.

Процесс перетекания благ мирских в чаяния загробного блаженства можно назвать, по меткому выражению одного из современных исследователей Микеле Баччи, «инвестициями в потустороннее» (*investimenti per l'aldilà*)⁵. Благочестивые инвестиции становятся почти столь же зна-

² Подходы к пониманию проблемы кризиса многообразны: см., например: Kotowski 1984. Некоторые аспекты понимания кризиса в социальной истории разбирались специально также и мной в работе: Селунская 2011.

³ Не рискуя употреблять нередко фигурирующий в европейской историографии, но излишне политизированный в России термин «революции» применительно к кризисным периодам, ограничимся ссылкой на интереснейшую монографию, разбирающую практически все оттенки смысла, мобилизуемые историками и социологами Европы и Северной Америки в связи с использованием термина «революция» при анализе социальной истории в моменты резких перемен: Kotowski 1984.

⁴ Duby 1974. P. 148.

⁵ Vacci 2003.

чимыми, что и знаменитое строительство пирамид. Интерес к загробной жизни в целом в древнеегипетской цивилизации, однако, имел иную побудительную причину и иную цель: перемену неотвратимой участи, а не посмертного комфорта и почета, предназначенных усопшему. То, что в Древнем мире являлось побудителем заблаговременной заботы живущего о своей иной жизни, видимо, исключало идею посмертной помощи со стороны живущих тем, кто уже оставил сей мир. В средневековом же сознании первостепенной была идея передачи какому-то поручителю и наследнику заботы о душе завещателя и дарителя (это мог быть и формальный прокуратор, и любое светское лицо, вместе с наследством принявшее обязательство молиться за упокой души своего благодетеля, и конкретная приходская или орденская церковь).

Даже сами по себе причудливые надгробные памятники или изображения почившего (обычно на фреске, запечатлевшей заказчика в молитвенной позе перед святыми покровителями) должны были способствовать благочестивому поминовению, континуитету памяти. Они могли задержать внимание проходящих мимо, ближних и дальних, дабы заставить их сотворить приличествующую случаю молитву или хотя бы кратко помянуть покойного, оставившего по себе такую память.

Что касается нижнего и бытового уровня практик коммеморации, то, среди традиционных приношений в пользу церквей выделяются попытки не просто жертвовать, оплачивая художественные работы в храмовом пространстве, но именно увековечить собственную персону дарителя в изображениях: в мозаиках, фресках, надгробных памятниках. Память во спасение, память, побуждающая к молитве – это совершенно ясная для средневекового человека логическая связка. Приобретение памяти – это важная инвестиция, но еще и инвестиция благочестивая.

Примечательно это с новой силой вспыхнувшее в людях средневековья стремление оставить для будущего портретный образ покинувшего мир. Еще любопытнее, что этого стремления не избегали ни рыцари, ни клирики, даже собственно, смиреннейшие члены религиозных братств.

Одним из побуждающих к действию образцов для подражания являлась в период Треченто новая религиозная практика, связанная с движением нищенствующих. Эта религиозная новая программа (которая вырабатывала специфическую образность) может рассматриваться и как коммеморативная практика особого рода, куда следует включить и традицию благоговейного отношения к Fioretti – Цветочкам Франциска Ассизского, и изображения святого и его первых последователей. При этом в памяти последователей Франциска акцентировались не только моменты чудес и страданий, но и самые бытовые биографические черты. Образы

Франциска и его сподвижников, основателей братства миноритов, часто использовались в иконографических программах, заказанных приверженцами миноритов. При этом сложилась и традиционная композиция при изображении почившего дарителя – заказчика росписей в церкви. Эта программа включала момент предстояния Господу благочестивого жертвования, препоручение души небесному покровителю и избранным святым, круг которых определялся заказчиком программы.

Великодушный и изначально совершенно иррациональный жест молодого св. Франциска из Ассизи, буквально расточившего богатство рачительного отца, благодаря распространению влияния миноритов (не только францисканцев, но и вообще всех нищенствующих религиозных объединений), оказался захватывающим воображение примером, затем стал казаться целенаправленным способом действия, и, наконец, предстал как институт и стратегия дарений. При всем том, цепь дарений теперь осуществлялась в пользу собственно нищенствующих орденов, т.е. тех, кто отказался от обладания ценностями. Нищенствующие, «малые братья», эволюционировали от благочестивых, полуофициально признаваемых общин в ордена со сложной структурой и не менее сложными социальными и политическими функциями⁶.

В этом новом движении, происходившем вне всех традиционных систем, вне иерархии, находилось место мирянам, при том молодым. Но, конечно, более озабоченными небесными благами, приобретаемыми за материальные средства, были не юнцы, но люди почтенного возраста – те, кто заранее готовился к тому, чтобы облегчить свою душу ввиду скорого перехода в загробный мир, не просто дарители *inter vivos*, а завещатели на пороге смерти или родственники покойных, желавших отметить благими пожертвованиями.

В духе благочестивого пожертвования развивалась и визуализация памяти, которая, кстати, весьма способствовала развитию искусства того периода, который называется Предвозрождением и собственно Возрождением. В храмовом пространстве или подле изображаются клирики, занимавшие высокие посты в иерархии и простолюдины-купцы, тираны и приверженцы городской демократии, рыцари и наемники-кондотьеры⁷. Все равным образом желали оставить по себе память. Надо сказать, что Рим Треченто и Кватроченто не был в этой области монументальной скульптуры и погребальных монументов ни первопро-

⁶ I francescani e la politica. 2007; Burr 2001; Lambert 1995. P. 164; 1961; Miccoli 1999; Merlo 2003; Potesta 1990.

⁷ La memoria dei 'milites'. 2014.

ходцем, ни единственным владельцем наиболее внушительных памятников. Примечательны, например, монументы в Бергамо (ц. Санта Мария Маджоре) и в Вероне – гробницы Скалигеров.

Мастер Арнольфо ди Камбио, чье творчество олицетворяет начало эпохи «юбилеев Рима», создал ряд примечательных монументальных произведений, причем его работы не обязательно находились в Риме. Так, например, значительная статуя Бонифация VIII была выполнена мастером во Флоренции. Именно этот римский папа еще при жизни в знак оммажа со стороны гвельфских городов получил изображения в виде статуй (в т.ч. в родном городе Ананьи), что затем вызвало обвинения в идолопоклонстве. Властный и гордый понтифик Бонифаций, несомненно, задумывался над возможностью сохранить в истории память о себе, создать для потомков образ собственных деяний и величия.

Дань уважения знаменитым францисканцам, надгробные памятники иерархов, глав Ордена – монументальные, причудливые, красноречивые, – появились в главных храмовых комплексах Италии, в самых важных для городской жизни сакральных пространствах: так, в церкви Санта Мария Арачели, в средневековье заменившей собой для римской цивитас древний Форум, находится памятник-гробница кардинала д'Акваспарта (Matteo d'Acquasparta 1240–1302) генерала Ордена Миноритов и сторонника послаблений в его Уставе. Папа, провозгласивший первый римский Юбилей и францисканец были современниками, и, надо сказать, что этот памятник впечатляет гораздо сильнее, чем гробница самого понтифика Бонифация, (которую можно увидеть в Ватикане).

Одна из выдающихся новаций Кватроченто – грандиозный проект посмертного возвеличивания земного правителя, воплощенный в строительстве т.н. «храма Малатесты» в Римини. Церковь, которая была посвящена Св. Франциску (произошла смена посвящения, т.к. более ранний храм был построен во имя Девы Марии), представляет собой исключительно яркое свидетельство осмысленной программы коммеморации. Правитель, не отличавшийся благочестием, и просто сльвиший безбожником, не жалея времени и сил сооружает и украшает этот памятник, в котором, разумеется, нет и следа изначального францисканского духа служения Святой Бедности, но есть роскошь величия правителя. При этом в Римини мы находим свидетельства заимствования и переосмысления античного наследия – мотива триумфальной арки (не абстрактного символа Рима, но конкретной арки, стоящей тут же в городе, рядом с церковью, построенной по заказу правителя). Фресковый нарратив во внутреннем пространстве храма в Римини обозначает момент встречи земного правителя с образом высшей власти, момент, когда бывший властитель

судеб передает себя под покровительство святого, который будет его ходоцем. Этот изобразительный ряд, имел символическую ценность, но одновременно являл собой дорогой заказ – пример «инвестиций в загробный мир», ставших неперенным актом последней воли представителей элит. Однако, не ограничиваясь этой возможностью случайного благочестивого поминовения, средневековый итальянец стремился обеспечить себе гарантированную посмертную заботу о душе.

Средневековый горожанин, а тем более лица высокого статуса не просто старались сделать так, «чтобы помнили», но желали добиться закрепления будто бы спонтанной эмоциональной реакции в качестве просчитанного и бесспорного результата сделки, который можно и нужно обеспечить соблюдением всех формальностей. Завещания и вопросы прижизненного распоряжения имуществом получают в этой связи особую роль, далеко выходящую за рамки экономической истории или истории права, перетекая в сферу истории ментальности или истории религиозных институтов: например, под таким углом зрения в новом свете предстает развитие церковного прихода и новых братств и орденов, которым адресовались различные пожертвования.

Связывая не с традиционной приходской религиозностью, но с новой формой её выражения и новым религиозным центром, например, францисканским, свои загробные чаяния, жертвователю передавал на попечение миноритам и душу, и тело. Именно это право и связанные с ним имущественные пожертвования, нередко весьма обильные, а иногда совершенно символические, тем не менее, становились почвой для глобального религиозного конфликта между приходскими структурами и францисканцами и их новыми приверженцами. Францисканцы, вначале предпочитавшие обосноваться у городских ворот, оказывая помощь отверженным или изгнанным за пределы города больным, постепенно стали одной из самых заметных явлений городской жизни, силой, переустроившей социальный ландшафт города.

Это переустройство осуществлялось болезненно, как показывает ряд исследований, в частности, мое собственное, посвященное конфликту прихода, его бывшего члена и миноритов тосканского города Лукка. По мере развития этого конфликта происходили отлучения приверженцев францисканского благочестия от причастия в ответ на завещание, и процессы мирян против клириков за право самостоятельно выбирать себе святых покровителей и место последнего упокоения, и даже нападения на похоронные процессии, но, главное, конституировались нормы взаимоотношений мирянина и церкви и утверждалось право выбора индивида – осуществлять заботу о своей посмертной памяти тем образом,

который этот индивид найдет достойным и наилучшим. Церковь миноритов при этом виделась мирянам как зона большей концентрации сакрального, более благочестивое и достойное место, которое надежнее гарантирует спасение и искупление грехов. Любопытно, что мирянин Бонаджунта, купец и гражданин коммуны Лукки, который на протяжении многих лет отстаивал свое право стать прихожанином миноритов, желал в последней воле упокоиться в миноритской церкви, а также оставил после себя посмертное фресковое изображение⁸.

Известны многочисленные источники: папские буллы, различные апелляции, материалы судебных разбирательств, сопровождавших те или иные конфликты, постоянно вспыхивавшие в течение этого процесса интеграции и инновации⁹. Существует обширное поле исследований ранней истории миноритов¹⁰, несколько меньше, но все же разработана такая тема, как взаимодействие новых братств, затем превратившихся в ордена, с городской средой, со светскими элитами города, а также и с другими церковными структурами и другими орденами и сосуществующими в городском пространстве (тема эта настолько многопланова, что, несомненно, требует новых углубленных исследований).

В данном случае, нас интересует только один аспект, то, как складывалась францисканская концепция памяти. Существует особая образность, связываемая именно с францисканской религиозностью, которая включает как словесные выражения, литературные топосы, так и иконографию, зрительные образы. У францисканцев появились свои культовые места и центры, места памяти основателей ордена.

Визуализация основных отличительных моментов религиозности нищенствующих проявилась достаточно быстро, самым наглядным образом были подчеркнуты моменты памяти, и даже памяти сентиментальной, о родоначальниках движения, а также нашел особое художественное выражение культ Христа-младенца. Францисканцам, благодаря особо тесному взаимодействию с горожанами, удавалось вовлечь в свой эмоциональный дискурс, свой культ памяти о страданиях Христа и со-

⁸ Селунская 2003.

⁹ История францисканцев хорошо документирована, основные источники классифицированы, комментированы, опубликованы по рубрикам (см. Библиографию).

¹⁰ Важнейшие вехи исследования истории францисканцев применительно к проблеме изучения исторических особенностей памяти и религиозности в итальянской историографии: Merlo 1991; *Gli studi francescani...* 1993 (особенно разделы Dalla «fraternitas» all'ordine: impressioni di lettura di un «non francescanista» и Francescanesimo e movimenti religiosi del Duecento e Trecento. Osservazioni sulla continuità e il cambiamento di un problema storiografico); Petrocchi 1957; Branca 1939; Garavani 1905.

¹⁰ Vacci 2003.

страдания, значительный слой мирян, рядовых членов социума, а не клириков. Главной составляющей движения нищенствующих, при этом, думается, являлось распространение идеи о возможности активного пути спасения для благочестивых светских лиц.

Можно сказать, что в тот же период, церковь на Западе и в особенности в Италии начинает новую систему отношений с памятью, папство стало проводить особую политику заботы о памяти, включилось в производство тех образов, которые иначе называются исторической памятью. Папство, в лице образованных представителей итальянской элиты, прежде всего, римского нобилитета, занимало весьма активную позицию в деле освоения античного наследия и использования римского мифа для собственного политического усиления и морального авторитета. Поэтому вполне закономерно, что на переломе столетий папа из рода Каэтани, рожденный в Римской округе, опираясь на кардиналов также римского происхождения, смог осознать и совместить в великом проекте римских юбилеев чаяния паломнических толп и запрос власти «на величие», прошлое и будущее Вечного города.

Возможно, кроме библейского концепта юбилея и святого года «отпущения» на основе семилетних циклов, сыграла свою роль и историческая память о традиции, известной как *ludi saeculares* и упомянутой Горацием в "*Carmen Saeculare*". Так или иначе, понтифик и римские кардиналы решились на спорный шаг провозглашения юбилейного года. Появилась специальная папская булла *Antiquorum fida relati*, подводящая основание под нововведение. Сразу же увидели свет трактовки идеи римских христианских юбилейных лет. В названии сочинения кардинала Якопо Стефанески, современника и идеолога нововведения 1300 года (что особенно важно – отпрыска исконно римских знатных семейств *Stefaneschi* и *Orsini*) содержатся оба ключевых слова – «юбилей» и «столетие»: *De Centesimo seu Jubileo anno liber*. Таким образом, для влиятельного римлянина явно существовала некая символическая связь между столетними играми и столетними юбилеями.

Юбилейные Святые годы, как и вековые игры, должны были отмечаться каждые сто лет, в начале нового столетия, или, в лучшем случае также и в середине века, если исходить из ветхозаветной логики семикратного цикла семилетий. Однако поскольку идея юбилейного поминовения и отпущения оказалась удивительно востребованной, неоднократно принималось решение отмечать юбилей чаще: например, как это было объявлено на излете Треченто, в 1390 г., (всего за 10 лет до ожидаемого срока) – раз в 33 года (в честь земной жизни Христа). В 1470 г. понтифик Павел II принял новое постановление: юбилейные годы

должны отмечаться раз в четверть века, чтобы каждое поколение христиан могло принять участие в юбилее. Римские папы несколько раз пользовались своим правом объявлять внеочередной юбилейный год.

Само папство было не просто особой влиятельной политической силой, но силой, обладавшей особым символическим капиталом, как сакрального характера, так и мирского влияния¹¹. К началу периода Юбилеев папы были в основном итальянцами и нередко ассоциировались с наиболее влиятельными светскими аристократическими семьями Рима, либо прямо принадлежали к этим семьям. И, разумеется, культ Рима, представление о Риме, как о сакральном пространстве, должны были составить черту менталитета, присущего этой среде. В исторический момент, когда Святая Земля оказалась потерянной для латинского Запада, идея возвеличивания священного Вечного Города должна была стать образующей. В 1300 г. Бонифаций VIII, папа из рода Каэтани, как представитель аристократии Римской провинции, образованный и ученый деятель церкви, смог осознать и совместить в великом проекте римских юбилеев прошлое и будущее Вечного города, а образ Святого Года сделать побудительным мотивом новых и все растущих пожертвований в пользу Церкви.

Эта церковная программа торжественного признания массового полного искупления грехов, имела своим основанием народное чаяние, даже требование от Церкви указать возможности спасения здесь и сейчас. Результатом стал сложный компромисс особого юбилейного отпущения и прощения грехов, (естественно, при условии не только покаяния, но и жертвования, отказа от части земных даров в пользу и на благо Церкви). В какой-то мере ожидание юбилейного искупления явилось началом конца далеко заведшей практики систематических индульгенций с компенсациями в чисто денежной форме. С другой стороны, можно и нужно рассматривать эту новацию как попытку создания противовеса мирской суетности, создания самой достойной и благой цели жертвования путем украшения Церкви. Создавалась антитеза роскоши, которая парадоксальным образом могла быть осуществима только с помощью больших материальных затрат. Эта «жертвенная роскошь» шла рука об руку с поклонением Святой Бедности, поэтому темы борьбы с роскошью в общине, празднования искупительного римского юбилея и история миноритов также сопутствуют друг другу.

Несмотря на сложность взаимоотношений францисканства и римской курии, рассматривая ряд сюжетов, связанных с историей минори-

¹¹ Это блестяще показано в недавних работах: [Paravicini Bagliani](#) 2013; 2014.

тов, с успехом их проповеди в городах и основными последствиями этого проникновения в жизнь членов приходских и городских общин, невольно принимаешь версию о том, что идея искупительного христианского юбилея родилась в этой мирской среде, насыщенной новыми религиозными чаяниями, а не только лишь была продиктована с высоты папского престола. Ведь, невзирая на крах самого Бонифация, после «авиньонского пленения» идея юбилея в Риме была востребована вновь.

Юбилей раз от раза становился все более зрелищным и роскошным. Почувствовав веяние времени, к новшеству проявили интерес и сторонники, и противники светской власти понтификов, к юбилейному Риму обратили взоры гениальные художники Возрождения. Эта «монументальная пропаганда» поражала и привлекала современников не менее, чем желание получить отпущение грехов. В Рим юбилейных «святых лет» устремлялись все выдающиеся творцы Ренессанса (из которых почти никто не являлся его уроженцами), чтобы навеки запечатлеть, переосмыслить или сотворить заново образ торжествующего Вечного города. Рим огромных статуй, которые не только извлекали из античных руин, но и снова научились высекать италийцы, Рим возрожденного сената, снова, как во времена древней республики, подчинивший себе Лаций, Рим новых церквей и монастырей, выстроенных в подражание раннехристианским постройкам (наивно принимаемым за древнеримские) – такую переключку образов Города эпохи юбилеев нельзя не заметить, занимаясь историей латинской Церкви времени провозглашения Юбилея.

Созданные усилиями пап и римской элиты образы Вечного Города, запечатлевались в представлениях верных, прежде всего, благодаря рассказам пилигримов¹². Именно памятные образы Святого Года и Вечного города, осмысление городского пространства как пространства сакрального, а рубежа веков – как сакрального момента играли большую роль в грандиозном праздновании юбилеев. Для историка интересны не столько канонические аспекты обоснования юбилея, сколько детали и цели поощряемого в юбилейный год паломничества в связи с темой Вечного города. Примечательно, что речь шла именно о «посещении» древнейших центров христианского культа, своего рода культа римских святых достопримечательностей и памяти о многовековом величии Рима.

В предписании отложить в юбилейный год все дела ради длительного путешествия к ним можно увидеть намеренный или невольный парафраз библейского повеления «соединиться со своим племенем», т.е. оказаться в Риме, духовной отчизне всех западных христиан. При этом

¹² Frugoni 1999; Palumbo 1999; Il mondo dei pellegrinaggi... 1999.

устанавливалась специальная «норма» для двух категорий христиан, которые были поделены не на клириков и мирян, и не на мужчин и женщин, но на римлян и не-римлян. В этом культе – почитании юбилея рождения Христа Спасителя было достаточно мало или не было вовсе акцента на земной жизни Христа, который не родился в Риме, не пострадал здесь, просто никогда не был и не мог быть в Риме. Но, в то же время, эти юбилейные торжества, разумеется, были культом памяти. Той памяти, которая могла быть понятна средневековому человеку – паломнику из дальних стран или римскому обывателю.

Римский юбилей сам стал объектом воспоминаний. Среди них – художественный образ шествия паломников в юбилейный год, созданный великим Данте, идейным противником папства и поклонником идей францисканства, современником первого Христианского Римского Юбилея. Данте не был историком-летописцем, но в его творениях довольно большое место занимали деятели современной ему истории, по их делам и суждениям о них он предрекал их посмертную судьбу. Понтифик Бонифаций, ключевая фигура первого римского юбилея, также обсуждался Данте, как известно, с крайне негативной оценкой: Данте помещает понтифика в Ад. Есть в Божественной комедии (Ад, 18 песнь) и строки, детально описывающие то, как было организовано движение паломников по мосту через Тибр у замка Св. Ангела на пути к базилике Св. Петра. Собственно, с отсылкой на эту картину движения пилигримов, описывается положение грешников в адском круге.

Nel fondo erano ignudi i peccatori;
dal mezzo in qua ci venien verso 'l volto,
di là con noi, ma con passi maggiori,
come i Roman per l'essercito molto,
l'anno del giubileo, su per lo ponte
hanno a passar la gente modo colto,
che da l'un lato tutti hanno la fronte
verso 'l castello e vanno a Santo Pietro
da l'altra sponda vanno verso 'l monte.

Там в два ряда текла толпа нагая;
Ближайший ряд к нам направлял стопы,
А дальний – с нами, но крупней шагая.

Так римляне, чтобы наплыв толпы,
В год юбилея, не привел к затору,
Разгородили мост на две тропы,

И по одной народ идет к собору,
Взгляд обращая к замковой стене,
А по другой идут навстречу, в гору.

Именно это место заставляет думать, что Данте видел юбилей лично, настолько подробно описана техника обеспечения движения большой толпы порядка двухсот тысяч человек по единственному прочному мосту через Тибр: ряды, следовавшие в противоположных направлениях, были отделены большим помостом из дерева, что должно было предотвратить столкновения и давку. (Идея оказалась весьма успешной, однако позже, в юбилей 1450 г., трагедии избежать не удалось).

Кажется, что в 1300 г. Бонифаций, папа из рода Каэтани, как представитель аристократии Римской провинции, образованный и ученый деятель церкви, смог осознать и совместить в великом проекте римских юбилеев чаяния пилигримов и римлян с риторикой власти, слить в едином образе прошлое и будущее Вечного города. Несмотря на крах самого Бонифация, после «авиньонского пленения» идея нового возвеличения Рима была воплощена. Традиции юбилеев была продолжена в эпоху Ренессанса, начиная с Кватроченто, с усилением папства в Италии.

В традиции христианских юбилейных лет христианского было намного больше, чем языческого, никак не связанного с земной жизнью Христа, при этом именно языческое начало должно было первым делом бросаться в глаза – например, массовые зрелища, шествия, возрождение монументальных статуй, тех или иных художественных форм античного наследия. Таким образом, в проекте празднования юбилеев воплощалось не только воспоминание о Спасителе, его рождении и земной жизни, но и память об античной славе Рима, когда Город был центром многоязыкой и разноликой великой Империи, центром мира.

Хотя паломничества в Риме не только для поклонения святыням, но именно за отпущением грехов, за индульгенциями практиковались ранее, особенно в столетие, предшествовавшее провозглашению первого юбилея, но именно после 1300 г. Рим, ставший за несколько столетий средневековья довольно заурядным и провинциальным городским центром, возродил свою славу столицы мира, став постоянным центром контакта представителей разных народностей латинского запада. Да, Рим и до начала юбилеев, как центр христианских святынь привлекал представителей разных племен и краев земли, однако именно на излете средневековья не только многократно усилился поток пилигримов, но и расширились общины постоянно проживающих в Городе иноземцев, иноземцами же считались не только пришельцы из дальних стран, но и, говоря современным языком, иногородние. Напомним, что в разобщенной, полицентричной Италии каждый город считался основателем особой нации, их выходцы, проживавшие в других городах и областях Италии и Европы, например, обучавшиеся в университетах на чужбине, формировали общины, которые именовались именно нацией. В Рим устремились не только итальянцы, но и христиане из самых дальних стран, построили особые церкви своих общин в Вечном городе, изменили саму городскую структуру и оживили систему дорог, ведущих в Рим.

Юбилеи как идея появились в тот период, когда идеи национальных государств не развились, и возможно было говорить об особой общности, о едином христианском народе и его едином духовном цен-

тре – апостольской столице, Риме. В свете идей Возрождения усиливалась античная составляющая образа Рима как символического центра мира. Было вложено немало сил и средств в этот римский проект, но велика была и отдача. Если в начале работы мы использовали как наиболее значимый образ понятие «инвестиции в загробный мир», то к концу изложения, развивая отправное определение, мы должны, скорее, говорить об инвестициях в память – вполне посюстороннюю и действенную силу, мощную объединяющую практику.

Юбилей 1300 года в Риме как событие европейской и мировой истории длится до сих пор, порождая новые практики коммеморации и единения. Сохранилась и память об основателях традиции, несмотря на противоречивость такой фигуры как понтифик Бонифаций, его предсмертное поражение и унижение, попытки посмертного суда над ним. Эту память сохранили, между прочим, и свидетельства идейных противников понтифика, каким был, например, его великий современник Данте. Если взять более узко, территорию профессиональных исследований, дисциплинарные рамки, то в историографии истории Италии существует традиция изучения первого христианского юбилея, проблема новизны которого по своему задевала и либеральную мысль, и творчество историков, сформировавшихся в годы фашистского режима, и современных ученых¹³.

На уровне индивидуально-бытового поминовения и в грандиозной коммеморативной программе христианских юбилеев можно отметить общие черты, особые приметы чаяний людей эпохи Треченто и Кватроченто. Культ памяти соединялся с культом искупления, с поисками индивидуального и коллективного спасения. Римский Юбилей, подготовленный историей проект коллективной практики коммеморации (причем проект весьма затратный), стал наиболее выгодным вложением в историю идей – с 1300 г. юбилейная традиция не прерывается, длится до сих пор, следующий год (вопреки всякой логике дат) объявлен новым папой юбилейным. Это одна из самых масштабных существующих коммеморативных практик, осуществляющаяся в едином центре.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bullarum, diplomatum et privilegiorum sanctorum Romanorum pontificum editio taurinensis / Ed. F. Gaude. T. I–XXII. Augustae Taurinorum, 1857–1872.
- Bullarium Franciscanum, Romanorum Pontificum, Constitutiones, Epistolas ac Diplomata continens Tribus Ordinis S.P.N. Francisci spectantia. (BF) Vol. I–IV / Ed. H. Sbaralea. Romae, 1759–1768; Vol. V–VII / Ed. C. Eubel. Romae, 1898–1904.
- Conciliorum Oecumeniorum Decreta (COD). Bologna, 1962.
- San Bonaventura. Opuscoli francescani. Roma, 1993.

¹³ Morghen 1975; Frugoni 1999; 2000; Paravicini Bagliani 2000.

- Statuta Generalis Ordinis edita in Capitulis Generalibus celebratis Narbonae an. 1260, Assisii an. 1279 atque Parisiis an. 1292 (Editio critica et synoptica) / Ed. M. Bihl. Archivum Franciscanum Historicum (AFH), XXXIV, 1941. P. 13–94; 284–358.
- Селунская Н.А. Свидетельства кризиса и жажда спасения: запрещенная роскошь, святая бедность, искупительный юбилей в средневековой Италии // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 290-310.
- Селунская Н.А. Тяжба нищенствующих братьев: история миноритов и проблема микроисторического анализа / От Средних веков к Возрождению. Алетейя. 2003.
- Vacci M. Investimenti per l'aldila. Arte e raccomandazione dell'anima nel Medioevo. Bari. Laterza. 2003.
- Branca V. Note sulla letteratura religiosa del Trecento Firenze, 1939.
- Burr D. The Spiritual Franciscans. From Protest to Persecution in the Century After Saint Francis. Pennsylvania, 2001.
- Duby G. Histoire sociale et idéologie des sociétés / J. Le Goff, P. Nora (ed.) Faire de l'histoire. T.1: Nouveaux problèmes. P., 1974.
- Garavani G. La questione storica dei Fioretti di s.Francesco e il loro posto nella storia dell'Ordine // «Rivista storico-critica delle scienze teologiche», II, 1905.
- Gli studi francescani dal dopoguerra ad oggi. Atti del convegno di studio (Firenze, 5–7 novembre 1990) / cura di Francesco Santi. Spoleto 1993.
- I francescani e la politica / Atti del convegno internazionale di studio, Palermo, 3–7 dicembre, 2002. Officina di Studi Medievali, 2007.
- Frugoni A. Pellegrini a Roma nel 1300. Cronache del primo giubileo, Piemme, Milano 1999.
- Frugoni A. Il giubileo di Bonifacio VIII Laterza. 1999.
- Frugoni Ch. Due Papi per un Giubileo. Celestino V, Bonifacio VIII e il primo Anno Santo. Rizzoli, Milano, 2000.
- Garavani G. La questione storica dei Fioretti di s.Francesco e il loro posto nella storia dell'Ordine // «Rivista storico-critica delle scienze teologiche», II, 1905.
- Kotowski C.M. Revolution in Social Science Concepts. A Systematic Analysis / a cura di Giovanni Sartori, Beverly Hills 1984.
- Lambert M.D. Povertà francescana. La dottrina dell'assoluta povertà di Cristo e degli apostoli nell'ordine francescano (1210–1323). Milano, 1995.
- Lambert M.D. Franciscan Poverty. The Doctrine of the absolute Poverty of Christ and the Apostles in the Franciscan Order 1210–1323. L., 1961.
- La memoria dei 'milites' / I comuni di Jean-Claude Maire Vigueur. Percorsi storiografici / a cura di M. T. Caciorgna, S. Carocci, A. Zorzi, Roma, Viella, 2014. P. 113-133.
- Merlo G.G. Nel nome di san Francesco. Storia dei frati Minori e del francescanesimo sino agli inizi del XVI secolo. Padova, 2003.
- Merlo G.G. La storiografia francescana dal dopoguerra ad oggi / Studi Storici Anno 32, 1991. No. 2. 1991. P. 287–307. URL: <http://www.jstor.org/stable/20565448>.
- Miccoli G. Francesco d'Assisi e l'Ordine dei Minori. Milano, 1999.
- Il mondo dei pellegrinaggi. Roma, Santiago, Gerusalemme/ a cura di Paolo Caucci von Saucken P. Jaca Book, Milano 1999.
- Morghen R. Bonifacio VIII e il Giubileo del 1300 nella storiografia moderna. Roma. 1975
- Palumbo G. Giubileo giubilee, Rai-Eri, Roma 1999.
- Paravicini Bagliani A. Il papato e altre invenzioni. Frammenti di cronaca dal Medioevo a papa Francesco, Firenze, Sismel 2014 (MediEvi, 5).
- Paravicini Bagliani A. Morte e elezione dei papi. Norme, riti e conflitti. Il Medioevo, Roma, Viella 2013.

- Paravicini Bagliani A. Bonifacio VIII, l'affresco di Giotto e i processi contro i nemici della chiesa. Postilla al giubileo del 1300 // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age*. Année 2000. Vol. 112. Numéro 112-1. P. 459-483.
- Petrocchi G. *Ascesi e mistica trecentesca*. Firenze, 1957;
- Potesta G.L. Angelo Clareno. *Dai poveri eremiti ai fraticelli*. Roma, 1990.

BIBLIOGRAFIA

- Bullarum, diplomatum et privilegiorum sanctorum Romanorum pontificum editio taurinensis / Ed. F. Gaude. T. I–XXII. Augustae Taurinorum, 1857–1872.
- Bullarium Franciscanum, Romanorum Pontificum. Constitutiones, Epistolae ac Diplomata continens Tribus Ordinibus S.P.N. Francisci spectantia. (BF) Vol. I–IV / Ed. H. Sbaralea. Romae, 1759–1768; Vol. V–VII / Ed. C. Eubel. Romae, 1898–1904.
- Conciliorum Oecumeniorum Decreta (COD). Bologna, 1962.
- San Bonaventura. *Opuscoli francescani*. Roma, 1993.
- Statuta Generalis Ordinis edita in Capitulis Generalibus celebratis Narbonae an. 1260, Assisii an. 1279 atque Parisiis an. 1292 (Editio critica et synoptica) / Ed. M. Bihl. Archivum Franciscanum Historicum (AFH), XXXIV, 1941. R. 13–94; 284–358.
- Selunskaya N.A. Svidetel'stva krizisa i zhazhda spaseniya: zapreshchennaya roskosh', svyataya bednost', iskupitel'nyi yubilei v srednevekovoi Italii // *Dialog so vremenem*. 2011. Vyp. 34. S. 290-310.
- Selunskaya N.A. Tyazhba nishchenstvuyushchikh brat'ev: istoriya minoritov i problema mikroistoricheskogo analiza / *Ot Srednikh vekov k Vozrozhdeniyu. Aleteiya*. 2003.
- Bacci M. *Investimenti per l'aldila. Arte e raccomandazione dell'anima nel Medioevo*. Bari. Laterza. 2003.
- Branca V. *Note sulla letteratura religiosa del Trecento* Firenze, 1939.
- Burr D. *The Spiritual Franciscans. From Protest to Persecution in the Century After Saint Francis*. Pennsylvania, 2001.
- Duby G. *Histoire sociale et idéologie des sociétés* / J. Le Goff, P. Nora (ed.) *Faire de l'histoire*. T.1: *Nouveaux problèmes*. P., 1974.
- Garavani G. La questione storica dei Fioretti di s.Francesco e il loro posto nella storia dell'Ordine // «*Rivista storico-critica delle scienze teologiche*», II, 1905.
- Gli studi francescani dal dopoguerra ad oggi. *Atti del convegno di studio* (Firenze, 5–7 novembre 1990) / cura di Francesco Santi. Spoleto 1993.
- I francescani e la politica / *Atti del convegno internazionale di studio*, Palermo, 3–7 dicembre, 2002. *Officina di Studi Medievali*, 2007.
- Frugoni A. *Pellegrini a Roma nel 1300. Cronache del primo giubileo*, Piemme, Milano 1999.
- Frugoni A. *Il giubileo di Bonifacio VIII* Laterza. 1999.
- Frugoni Ch. *Due Papi per un Giubileo. Celestino V, Bonifacio VIII e il primo Anno Santo*. Rizzoli, Milano, 2000.
- Garavani G. La questione storica dei Fioretti di s.Francesco e il loro posto nella storia dell'Ordine // «*Rivista storico-critica delle scienze teologiche*», II, 1905.
- Kotowski C.M. *Revolution in Social Science Concepts. A Systematic Analysis* / a cura di Giovanni Sartori, Beverly Hills 1984.
- Lambert M.D. *Poverta' francescana. La dottrina dell'assoluta poverta' di Cristo e degli apostoli nell'ordine francescano (1210–1323)*. Milano, 1995.
- Lambert M.D. *Franciscan Poverty. The Doctrine of the absolute Poverty of Christ and the Apostles in the Franciscan Order 1210–1323*. L., 1961.

- La memoria dei 'milites' / I comuni di Jean-Claude Maire Vigueur. Percorsi storiografici / a cura di M. T. Caciorgna, S. Carocci, A. Zorzi, Roma, Viella, 2014. P. 113-133.
- Merlo G.G. Nel nome di san Francesco. Storia dei frati Minori e del francescanesimo sino agli inizi del XVI secolo. Padova, 2003.
- Merlo G.G. La storiografia francescana dal dopoguerra ad oggi / Studi Storici Anno 32, 1991. No. 2. 1991. P. 287–307. URL: <http://www.jstor.org/stable/20565448>.
- Miccoli G. Francesco d'Assisi e l'Ordine dei Minori. Milano, 1999.
- Il mondo dei pellegrinaggi. Roma, Santiago, Gerusalemme/ a cura di Paolo Caucci von Saucken P. Jaca Book, Milano 1999.
- Morghen R. Bonifacio VIII e il Giubileo del 1300 nella storiografia moderna. Roma. 1975
- Palumbo G. Giubileo giubilei, Rai-Eri, Roma 1999.
- Paravicini Bagliani A. Il papato e altre invenzioni. Frammenti di cronaca dal Medioevo a papa Francesco, Firenze, Sismel 2014 (MediEvi, 5).
- Paravicini Bagliani A. Morte e elezione dei papi. Norme, riti e conflitti. Il Medioevo, Roma, Viella 2013.
- Paravicini Bagliani A. Bonifacio VIII, l'affresco di Giotto e i processi contro i nemici della chiesa. Postilla al giubileo del 1300 // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age. Année 2000. Vol. 112. Numéro 112-1. R. 459-483.
- Petrocchi G. Ascesi e mistica trecentesca. Firenze, 1957;
- Potesta G.L. Angelo Clareno. Dai poveri eremiti ai fraticelli. Roma, 1990.

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; liquidmodernity@gmail.com

Memory as profitable investment: society and cult in Italy of Trecento and Quattrocento

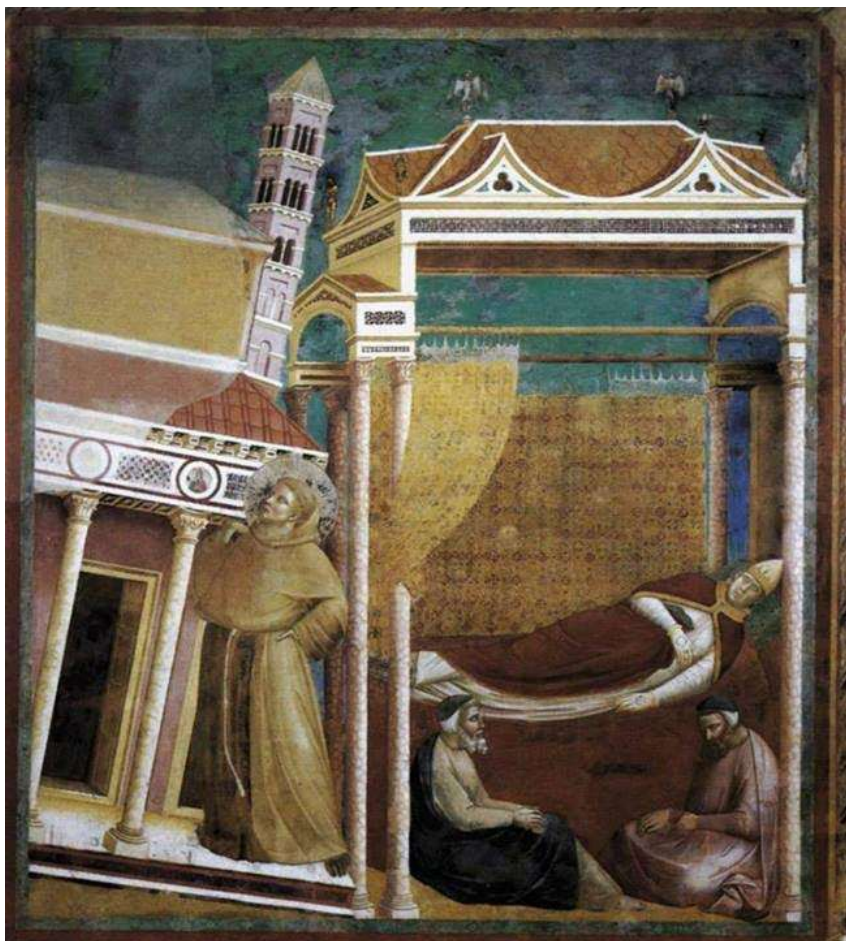
The articles presents an attempt to compare various layers and practices of commemoration (individual, family, group and collective commemoration). Shared features can be found in individual, everyday commemoration, and in grandiose commemorative programme of Christian Jubilees. Memory was connected to redemption, to the search for individual and collective salvation. The Roman Jubilee was the most profitable investment in the history of ideas – since 1300 the tradition of Jubilees remained unbroken, and the next year is proclaimed a Jubilee by the new Pope.

Keywords: Rome, Middle Ages, Renaissance, reception of the Antiquity, historical memory, tombs, Boniface VIII, Jubilee year.

Nadezhda Selunskaya, Ph.D. (History), senior researcher, Centre for Intellectual History at the Institute of Word History, RAS; liquidmodernity@gmail.com

Франциск. Отказ от владения имуществом

Сон папы Иннокентия III. Франциск и Церковь

Статуя папы Бонифация VIII в Ананьи

Арнольфо ди Камбио. Гробница папы Бонифация VIII

Храм Малатесты. Церковь св. Франциска в Римини

Малаягеста перед св. Сигизмундом, своим покровителем